

Олег ЁЛШИН

СТОЛИК НА ТРОИХ

Одиночество — опасная вещь. Если оно не ведет тебя к Богу, оно ведет к дьяволу. Оно ведет тебя к самому себе.

Джойс Кэрол Оутс

Олег Игоревич Ёлшин

Столик на троих

Текст предоставлен правообладателем

Столик на троих: 2010

ISBN 978-5-91865-067-7

Аннотация

Одиночество – опасная вещь. Если оно не ведет тебя к Богу, оно ведет к дьяволу. Оно ведет тебя к самому себе.

(Джойс Кэрл Оутс)

Роман «Столик на троих» посвящен теме – человек в экстремальных условиях. Герой романа по воле случая попадает в замкнутое пространство. Там, за стенами, надежно укрывающими его, война и гибель цивилизации. Может ли человек быть счастливым наедине с собой? Сможет ли он стать счастливым среди людей?

Две книги, два вопроса на вечную тему.

Тему счастья.

Содержание

Книга 1	4
Часть 1	4
Часть 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Олег Ёлшин

Столик на троих

Книга 1

«Тот человек идеален, который среди величайшей тишины и уединения находит самую напряженную деятельность и среди напряженной деятельности находит тишину и уединение пустыни».

(Свами Вивекананда)

Часть 1

1

Наверху, на одном из высоких этажей в открытом кафе сидели двое. Кафе называлось «Небесное», и, действительно, если с его террасы посмотреть вниз и если голова не начнет кружиться, можно было увидеть лишь облака, которые стелились по земле. Это был очень высокий этаж, а наверху только небо и яркое солнце. Один из них был одет в белые штаны и белую просторную рубаху, которая свободно спус-

калась, прикрывая его красивое молодое тело. Другой был в черной жилетке и черных брюках. Волосатые, мускулистые руки едва помещались на его половинке стола.

– Не жарко? – спросил «белая рубашка», – на таком-то солнце в черном?

– Иронизируешь? – парировал волосатый, испытующе на него глядя. Его собеседник заметил этот взгляд и отвел глаза.

– Когда же принесут меню? – равнодушно спросил он.

– Как всегда, дружище, как только ты будешь готов! – и громко засмеялся.

– Я?... Ты говоришь о нашем пари?

– Да! И платить снова тебе, – азартно ответил человек в черном. Человек в белом долго на него смотрел, потом уверенно ответил:

– Что же, посмотрим, – и повернулся к официантке:

– Девушка, милая, мы готовы.

Девушка была то ли в розовом сарафане, то ли вообще без него. Это было не важно, в чем была девушка – на такой высоте и такой жаре. Этих двоих, скорее всего, мало чем можно было удивить.

– Слушаю вас? – подошла она.

– Пожалуй, мне кофе! Ваш изумительный небесный кофе со сливками, – сказал человек в белом.

– С небесными сливками? – уточнила розовая девушка.

– Конечно! – ответил тот.

– А мне виски оттуда, снизу, – сказал черный, оцениваю-

ще разглядывая ее стройную фигуру.

– Не рановато ли? – спросил его компаньон.

– Вполне, – ответил волосатый. Пожалуй, это единственное, что они научились делать хорошо, – и подмигнул официантке.

– Желаете что-нибудь еще? – спросила она, улыбнувшись в ответ.

– Нет! – очнулся человек в черном. Официантка отошла, он проводил ее долгим взглядом, потом в упор уставился на человека в белом.

– Что же, приступим, – сказал белый, не дожидаясь заказа.

– Они мне надоели, – энергично начал черный.

– Мне тоже, – согласился его собеседник. – Везде одно и то же, – на мгновение задумался и тихо повторил, – одно и то же. – Потом спросил: – Как всегда ставим на последнего?

– Да. Как всегда! Срок! Давай оговорим срок! Даем им ровно год!

– Года мало! Три! – возразил белый.

– Хорошо – два. Идет?

– ОК! – невозмутимо согласился белый, отпивая небесный напиток, который успели перед ним поставить.

– Ты говоришь по-английски? – удивился черный, оценивая аромат виски.

– Чему здесь только не научишься! – пробормотал белый, посмотрев с веранды вниз.

– По рукам! – в нетерпении сказал черный человек. Он

протянул бокал с земным напитком, чокнулся о стакан с небесным кофе белого человека, и они выпили.

– Не пожалеешь? – улыбнувшись, спросил черный.

– Никогда и ни о чем, – твердо ответил белый.

– Девушка, милая! – крикнул человек в черном, – запишите это на одного из нас!

– Конечно! Я поняла! Как всегда! – любезно отозвалась она.

– Да! Как всегда! – подтвердил черный.

Облако поднялось до их этажа, и кофе растворилось в голубоватой дымке.

2

Сирена гудела уже около минуты и ему снились недавние учения на объекте. Он попытался отмахнуться от навязчивого видения, проснуться и снова уснуть, пока не понял, что это не сон. От неожиданности открыл глаза и в первое мгновение не знал, что делать. Все системы были недавно проверены и готовы к последней демонстрации и вводу в постоянное действие. Неужели какая-то ошибка? Он вскочил, на ходу соображая, как поскорее отключить назойливую сирену. Все происходило накануне последнего тестирования, визита комиссии столичных военных из министерства и тут такой сбой!

Ночь с пятницы на субботу – 2 часа 30 минут утра. Или

ночи?

– Черт дернул его вчера задержаться допоздна, а затем остаться здесь ночевать! Будь проклята эта работа, нет покоя ни днем и ни ночью! – ворчал он, соображая, что нужно делать.

– Как хорошо, что он оказался здесь, иначе в понедельник именно с него снимали бы голову, должность, премию и черт знает что еще.

И сейчас, оглядываясь по сторонам, он оценивал ситуацию.

Система сработала по высшему уровню безопасности. Кроме общей тревоги, начали закрываться жалюзи. (Монолитные, сверхпрочные, пластиковые панели, многократно усиливающие фасад здания.) Значит, уже включилась система герметизации и блокировки входа-выхода, а также открылся лифт, ведущий в подземный тоннель. Он подошел к окну и в свете прожекторов увидел ребят из наружной охраны. Они бежали к объекту, но попасть в здание без его помощи не могли. Впрочем, они здесь не нужны. Теперь это была его проблема, с которой предстояло возиться остаток ночи. Один парень зачем-то снял китель и на бегу размахивал им над головой. Это последнее, что он увидел снаружи, жалюзи закрылись.

Здание представляло собой комплекс гражданской обороны, элитный военный объект, каких в этой стране было немного. (Сколько, точно он не знал.) Элитный объект для

«элитного персонала» на случай войны. В ближайший месяц его должны были сдать комиссии и забыть о нем навсегда. Поэтому ему, человеку, отвечавшему за все службы автоматических систем управления, а также за системы наблюдения и контроля охраны комплекса, здесь было сложнее, чем на предыдущих объектах. Постоянные замены кодов допуска, которые курировал не он, вечные дополнения независимых экспертов, не связанных друг с другом и даже не знакомых, делали эту систему абсолютно надежной – со 100 % уровнем секретности даже для него. Так думали они – хозяева. Конечно, разобраться во всем не было проблемой – вопрос времени, но все раздражало, иногда затягивая работу. Вот и сейчас нужно было все ЭТО остановить, для чего требовалось вскрыть «сейф», который сам же вчера закрыл, а затем выбросил ключи. Не впервой.

Он возился уже больше часа, пока не начал понимать, что все идет не так, как обычно. После подбора необходимых паролей и входа в систему компьютер упорно отказывался снимать блокировку с объекта и вводить программу обычного контроля над безопасностью. Он попробовал различные варианты, но на экране все время появлялся отказ командам и предупреждение о критической обстановке. Наконец, удалось замолчать невозможную сирену. Уже легче! Единственное, чем сейчас он мог управлять – аварийный выход, снабженный сложной системой шлюзов и деактивацией. Неужели сбой в программе? Но это месяцы работы группы классных

специалистов, а потом еще недели проверок и доработок! Во всяком случае, если это сбой – до понедельника исправить ему уже точно не удастся.

Пробуем еще раз:

Отключение общей тревоги – отказ!

Отключение блокировки дверей входа – отказ!

Открыть защитные панели – отказ, отказ, отказ!

Компьютер сошел с ума – в верхнем углу монитора мигают показания датчиков – радиация, сейсмическая активность! Какая-то ерунда! Если программа видит такие показатели, автоматически блокируется ручное управление и доступ к большинству опций, а потом запускается «автопилот». Они долго работали над этой программой чрезвычайной ситуации на случай войны и предусмотрели, пожалуй, все, чтобы участие человека было сведено к минимуму – главное защита объекта... Но для этого нужны реальные данные об изменении внешней обстановки – радиации, показаний сейсмографа и прочего. Прочее – это информация из Центра о начале боевых действий! – размышлял он, – но тогда «автопилот» запускается автоматически! Может быть, это и есть команда из Центра?... Ну, конечно! Шутники! Имея полный доступ, они без предупреждения начали проверять систему! Столичным воякам не спится! В субботу ночью развлекаются. Накрутили показания виртуальных датчиков, создали критическую ситуацию, тревогу первой степени и запечатали его в этом саркофаге! Играют в войнуш-

ку. Можно спать дальше – до утра угомонятся... А если полетели датчики?... Сразу все – и радиации и динамические? Надо бы взглянуть.

Это последнее, что захотелось сделать и закончить на сегодня. В конце концов, у него выходной!

Он зевнул. Напряжение спало. стакан чая с круассаном! Вчера забыл поужинать. Вечером засиделся, потом было поздно выскакивать в ближайший городок, где он по пятницам любил проводить время в небольших ресторанчиках с кружкой пива или стаканом молодого кислого вина и обязательным куском пиццы или моцареллы. А потом – в небольшую уютную квартирку, снимаемую им уже два года в этом же городке.

– стакан чая, круассан, проверить датчики и спать. Пока дяди в погонах из столичного центра на расстоянии тысячи километров забавляются с новой игрушкой, можно перекусить. Интересно, во что им еще захочется поиграть, – подумал он, – выключить вентиляцию, переустановить спутниковую антенну, отключить системы жизнеобеспечения? Здесь масса игрушек! Надеть противогаз и спать. Хорош он будет!

Круассан был с шоколадом и отвратительно сладок, других булок в баре он не обнаружил, а идти вниз в столовую было лень.

Поедая то, что нашел, машинально включил 15-й музыкальный канал телевидения. Ночная музыка не мешает, хорошо бы джаз – спокойный, любимый, ночной джаз...

Серый экран... Странно. У него круглосуточное вещание. Он переключил канал.

CNN:

«...ответным ударом направили ракеты на города Восточной Европы. Через 15–20 минут произойдут взрывы в Москве, Минске, Киеве, Астане, Ташкенте и в крупных областных центрах Урала и Сибири».

«Экстренные телефонные переговоры глав государств Америки, Евросоюза и России результатов не принесли...»

3-й Национальный канал:

«Русское правительство подтвердило версию о запуске двух боевых ракет террористической группировкой с территории..., ни одна сторона пока не взяла на себя ответственность, однако, данные разведки подтверждают эту версию...»

5-й Национальный канал:

«Папа римский призывает глав государств остановить запуски и немедленно собраться на экстренные переговоры стран Восьмерки, арабских государств, Востока, Латинской Америки, Канады и Австралии. Место встречи – Ватикан...»

1-й Национальный канал

«Северная Корея направила ракеты на Японию и США. КНР ответным ударом атакует Сеул, большой запас боеголовок направлен на США, Канаду и арабские страны. Индия в альянсе с КНР атакует Иран и другие страны Аравийского полуострова».

«Русские ракеты только что взорвались в Вашингтоне, Нью-Йорке и еще в сорока городах Америки. Москва и Санкт-Петербург уничтожены. Израиль атакует...»

Серый экран...

Серый экран...

Серый экран...

Все национальные каналы прекратили свое вещание.

BBC:

«... мощным потоком опускается с Японии и Китая в сторону Австралии. Островные государства Индийского океана уже подверглись воздействию гигантского радиоактивного облака. Австралия встретит этот поток через 45–50 часов, если не изменится скорость и направление циклона...»

Канал отключился.

CNN:

«... мы переключаемся на наши региональные запасные станции вещания, но империя CNN уменьшается так же стремительно, как и наша планета, остались лишь немногие регионы, не подвергшиеся нападению. Мы постараемся выполнить долг журналиста до конца. Возможны сбои, но кто

жив и слышит нас, будет получать всю информацию...»

Он долго еще переключал с канала на канал. Иногда возникали какие-то картинки, затем исчезали, мелькали обрывки сообщений, фраз, слов, пока все окончательно не исчезло. И тишина...

4

Наступила тишина, какой еще не знали на планете. Медленно, в оцепенении от ужаса и страха он спустился на нижний этаж и нашел пульт, где были установлены датчики внешнего контроля. Все работало, все было в порядке, и только шкала уровня радиации показывала страшную, незнакомую цифру. Побежал к лифтам, спустился на самое дно убежища. Сотни метров под землей. Было сыро и прохладно.

– Включить систему очистки воздуха, – машинально подумал он. – Зачем? Кому теперь это нужно? – и тут гнетущая картина происходящего отчетливо возникла перед его глазами. Города пожирались ударной волной и огнем. То, что не успевали сделать они, уничтожала радиация. Самолеты несли смертоносный груз, сбрасывали и улетали, падая в океан, – им некуда было возвращаться, когда кончалось топливо. Люди, деревья, зверье – все смешалось, а по ним, как по траве, комкая и сминая все на своем пути, размазывая кровь и плоть, ползло НЕЧТО. Наверное, еще были живы тысячи,

может быть, миллионы, и сейчас они гибли, каждый по-своему, каждому своя пытка и своя смерть.

– Чем он лучше остальных, почему он здесь, почему один?

Снова кинулся к лифту и, будь что будет, – поднялся наверх! Потом метался по этажам, забегал в разные помещения, хватал трубки молчащих телефонов, включал потухшие компьютеры, щелкал каналами телевизоров. Это был обезумевший человек, он кричал, бросался на закрытые окна, плакал, рычал, падал, снова куда-то мчался, снова падал...

Очень устал. Пять часов утра и три часа кошмара в его жизни! На спине и плечах висели пудовые мешки нечеловеческой усталости и напряжения, придавливая его к полу, как на планете с другим притяжением. А это и была теперь другая планета. Почему-то очень замерз, свалился на диван в холле, обхватив себя руками, защищаясь от холода и ужаса. Долго сидел так, покачиваясь как болванчик, бормоча какую-то бессмыслицу, ерунду.

– Что теперь делать?

– Что делать?

– Нужно что-то делать!

– Я должен что-то сделать...

Вдруг до него дошло: – Может, еще оставался риск и нужно спуститься вниз?

Инструкция предписывала такой сценарий. Но в эту минуту инстинкт самоуничтожения был сильнее. Прошлая его жизнь теперь не имела никакого значения. Он не знал, ни-

когда не задумывался, какой смысл был в ней раньше, просто жил как все. Нет, иногда задумывался, но суета и уставленный ритм не давали возможности и времени отвечать на этот вопрос, как, наверное, у каждого нормального человека. Но теперь, когда он был один! В горле стоял ком утраты, горя, жалости к самому себе. Он был совершенно один... Один! А табло мигали предупреждением: «Персоналу срочно спуститься в убежище!»

Вдруг вскочил.

– Какое право он имеет собой рисковать! Он должен выполнять приказы! Теперь, когда только у него были пароли для открытия шлюзов и только он один мог впустить сюда людей. Даже если уничтожат верхнюю часть убежища, он поможет им найти входы в запасные тоннели, ведущие вниз. Очнувшись от шока, кинулся к лифту и вновь спустился на дно комплекса в подземную его часть. Здесь он и будет дожидаться людей или приказа снаружи.

5

Но время шло, нужно было принимать какое-то решение. Никогда раньше он не испытывал такой беспомощности. Такой ответственности! Теперь непонятно перед кем – перед собой или теми, кто еще мог спастись вместе с ним. Он цепенел от ужаса и невозможности действовать. Пошел на склад, разыскал бутылку виски, отхлебнул. Потом еще и

еще... Стало теплее и легче. Наконец, смог сосредоточиться. Ему нужны люди, хотя бы один уцелевший человек. Нужно искать хоть кого-нибудь за тысячи километров, выжившего, способного говорить, писать электронные письма, отбивать азбуку Морзе, да, все что угодно! И если о нем забыли, значит, он сам будет кого-то искать.

Всегда труден первый момент принятия решения, дальше дело техники. Техника! Ее было здесь в изобилии. Он вошел в комнату, где стояли компьютеры. С теми средствами связи, которые по случайности оказались у него под рукой, все было выполнимо.

– Конечно, кто-то остался в живых! Кому – то еще можно помочь! – уговаривал он себя. – В конце концов, ради чего они торчали здесь и день, и ночь целых два года!

За компьютером почувствовал себя увереннее – на своем месте. Сначала нужно попытаться связаться с такими же военными объектами, разыскав их координаты. Может быть, в этом районе еще оставались живые, и если он подтвердит центру целостность объекта, их направят сюда. Тогда он кого-нибудь спасет!

Центр не отвечал. Спутник связи работал, но на его запросы не было ответа. Сообщил, где он находится и зашел на другие объекты, но и здесь только молчание. Оставил сообщение везде, где только мог.

– А если все центры уничтожены?

Он знал, что их объект способен выдержать ударную

волну на расстоянии трехсот метров. Даже его наружная часть, которая оставалась далеко наверху. При прямом падении все огромное бомбоубежище, где он сейчас находился, сквозь сотни метров скальных пород было недостижимым. Рушились только верхние строения, вертикальная шахта герметично перекрывалась на нужной глубине, но сохранялись боковые тоннели, выходившие на поверхности в 1–2 километрах отсюда за горами в различных местах. Он снова повторил попытку установить связь. Нужно ждать, сигнал отправлен – в этом он был абсолютно уверен. Просто нужно ждать!..

Прошел еще час. В комнате отдыха все те же вчерашние круассаны, шоколад, холодный чай, что-то еще. Нужно поддерживать себя, пока оставалась какая-то надежда. Пока есть надежда – есть смысл.

– Какая гадость запивать круассан виски!.. А закусывать виски круассаном еще хуже...

Вдруг подумал: – Еще вчера кто-то выпекал эти сладкие булочки, потом их развозили по окрестностям, люди ели их на завтрак, запивали утренним кофе, разговаривали, собирались беспечно провести выходной день, сходить на футбол, поехать в горы, погулять по окрестностям или просто побыть дома с семьей...

– Почему его объект не был взорван?... Он не был закончен, о нем знали, его имели в виду, но по логике противника недостроенный объект использовать не станут. Значит, ре-

шили, что он «незаселен» и неопасен.

Он беспомощно сидел за компьютером и размышлял:

– Кто поймет стратегов, нажимающих на «кнопки»? Кто поймет террористов, похитивших и запустивших чертовы бомбы? Их родные, матери, сестры, их дети уже мертвы. Как понять этих людей?

В детстве ему незнакомо было слово террорист. Это понятие для него появилось позже – к концу столетия, когда газеты и телевидение начали смаковать подробности; корреспонденты, пробираясь тайными тропами в логово «борцов за справедливость», демонстрировать на весь мир заявления их лидеров, показывая в новостях казни, изуродованные конечности, взорванные небоскребы и прочую атрибутику этого кошмара. Как-то раз в голову пришла одна простая мысль. Он, далекий от политики человек, сделал для себя простое открытие: если СМИ всех государств объединяться и на год, хотя бы на месяц, перестанут передавать всю эту дрянь, терроризм исчезнет навсегда. Но, где свобода слова и информации? Наивно? По-детски – глупо? Но ведь – навсегда! И он знал, что совершенно прав. Это информационная война, а информационный голод уничтожит проблему. Глас, вопиющий в пустыне! Театр без зрителя. Некому аплодировать и некому покупать билеты – это главное! Но где война – там деньги! Значит кому-то это нужно. Кто-то оплачивает это шоу. И если целые государства берут на себя функции мирового полицейского, а потом ведут себя, как обыкновенные

бандиты, что там говорить о каких-то террористах? Где деньги – там война. Абсурд! Они уничтожили целую планету, себя и его жизнь...

6

Прошло два, потом три часа с момента выхода на связь, вернее попытки. Ответа не было. Они могут быть живы, но потеряли оборудование для связи со спутником. Если это так – они замолчали навсегда. Все компьютеры были подключены к Интернету, но использовать высокоскоростной, оптоволоконный канал было бессмысленно, тогда он переключился на спутниковую связь. Многие крупные сайты еще загружались, выдавая картинку и информацию, но все новостные ленты американских и европейских ресурсов обрывались и датировались поздней ночью или ранним утром. Провода и спутники, уцелевшие в обрывах паутины виртуального хаоса, еще пытались связывать оставшиеся в живых клочки гигантской сети. Кое-где уцелели электростанции, многие серверы еще были доступны, по инерции они отражали прошлую жизнь, но рядом с ними не было людей. Биржи не работали, новости захлебнулись несколькими часами ранее, форумы молчали. Казалось, что он бродил по улицам огромного пустынного города, в котором не было ни души. Дома стояли на месте, фонари горели, светились реклама магазинов, ресторанов и гостиниц, но приветливый

портые не открывал дверей, не брал твоих чемоданов и чайных, не провожал в номер. Столики летних кафе были пусты, а с кухни не доносился запах готовящейся еды. Двери магазинов были широко открыты, прилавки предлагали любой товар, за который некому было платить, и даже собаки не бегали по улицам. Он отмахнулся от странного видения. Почему-то вспомнил из вчерашних новостей об Австралии – прямого баллистического удара по этой стране не было, и лихорадочно начал искать в пока еще живом «yahoo» сайты с доменом. au. Некоторые страницы загружались и, спустя какое-то время, он набрел на форум спортивных фанатов. Там были люди, шли сообщения!

– ... они передают, что в пятидесяти километрах на север еще можно попасть в бомбоубежище на двадцать тысяч персон. Кто знает? Срочно, поделитесь!

– ... новости отрубились час назад. Сначала они говорили – у нас осталось два дня, потом 36 часов, потом заткнулись совсем...

– ... я здесь нахожусь – не протолкнуться, ребята, все занято, сюда не впускают, ищите другой вариант. Найдёте, пишите – я со своим мобильником больше ни на один сайт зайти не могу.

– ... военные вывесили списки убежищ, но без гарантии свободных мест. Вот ссылка...

– ...братская могила – отсидеться неделю, месяц, съесть последнюю крысу и начать пожирать друг друга. Слишком

много на севере разбросали ядерного дерьма – радиоактивный фон лет на 200 потянет. Пошли на... стрит. Пошли, ребята, на последнюю тусовку!

– ... он прав, я на стадион... ящик пива с собой. На солнышко последний раз взглянуть.

– ...нужно попытаться, но по шоссе... пробка – хвост из города торчит, кто знает короткий объезд?...

Наконец он решил вступить в диалог:

– Вот военная карта этого района, но со спутника видно оцепление на подъезде к убежищу – там больше никого не пропускают.

– ...у тебя свой спутник? Ты кто такой?

– Не теряйте времени, вижу другой вариант. Вот координаты..., туда еще можно успеть.

– ...Ты откуда со спутником? Может, у тебя подлодка своя в тихой гавани стоит? Так тащи ее сюда!

– ...Спасибо за вариант. До встречи!

– ...Нет, ты скажешь, кто ты такой! Мы тебя не знаем!

– Я нахожусь в таком же бомбоубежище, но в Европе и могу вам помочь. Торопитесь – по этим дорогам пока еще есть движение.

– ...Это подстава, ребята, мало им севера еще и нас решили подтянуть. Вали отсюда!

– ...Вали с нашей площадки, козел!

– ...Сионисты! Масоны недобитые! Сидят под колпаком на нас смотрят, играют.

– ... Подожди, они нам помочь хотят! Эй! Ты там! Посмотри, какие еще есть живые варианты? Не уходи!

Он снова вступил в переписку:

– Я здесь один и не устраивал войны, я инженер, который случайно оказался на недостроенном объекте, но могу помочь! Вот координаты еще одного убежища...

– ... Пошел с нашей площадки, ненавижу козлов, которые нас угробили...

Дальше ругань, ругань... и только один отреагировал:

– ... Пришли свой e-mail.

– Вот мой e-mail, но на любые вирусы стоят мощные защиты. Повторяю, я хочу вам помочь!

– Посмотри почту – сейчас тебе напишу, европеец! Не сутись, ты им все сказал – кому нужно, те уже поехали, заходи на «ящик»...

Он ушел с форума и перешел на ай-си-кью – программу прямого диалога. Получив его адрес, вышел на связь.

– Ты кто?

– Я уже говорил, что остался один в бомбоубежище совершенно случайно. А кто ты и почему не воспользовался моими маршрутами, почему не спасаешься?

– Не могу.

– Почему?

– Я тоже один и спастись не могу... А ты действительно остался там один?

– Да, но я не понимаю, почему ты теряешь время на раз-

говоры со мной?

– Ты любишь бейсбол?

– Немного,... причем здесь это?

– Помнишь игрока Крыльев 3 года назад Майкла Х.?

– Да... Говорили, он получил травму и больше не выступает.

– Травму позвоночника.

– Наверное, я точно не помню... Позвоночника... Это ты?

– Да.

– Тебе некому помочь?

– Нет... Да и не к чему это.

– Почему?

– Все должно быть так, как должно быть.

– Глупо, может быть, еще осталась надежда.

– Я не смогу снова к ним. Сначала я долго не мог без них, теперь не могу с ними... Это не важно. Хочу тебе кое-что сказать, не перебивай. Хочу поделиться опытом затворника. Если ты все-таки останешься один, совсем один, знай – тебе повезло. Тебе дан шанс – один на миллионы. Наверное, скоро тебе захочется что-то сделать, понимаешь... Как сказать?... С собой... В общем..., конечно, это твое право, но ты пока можешь ходить, думать. Голова, руки, ноги на месте. Ты можешь хотя бы попробовать. И еще... помни, это не твое тело – оно дано тебе напрокат. И ты в нем находишься..., как сказать..., в командировке в эту жизнь. Зачем? На этот вопрос каждый должен ответить сам. Многие,... почти все не

отвечают, даже не задумываются об этом! Но, раз выбрали тебя, ты должен использовать этот шанс. Все! Вспомни при случае о том, что я тебе сказал.

– Почему ты мне это говоришь? Зачем тебе это?

– За эти три года успел о многом подумать. Всего не расскажешь. Но, даже не имея возможности ходить и делать многое другое, все равно можно познать капельку счастья. Думаю, мне это удалось, поэтому и говорю тебе об этом – чем ты хуже? Интересно, получится у тебя? К сожалению, я этого не узнаю... Не унывай!.. Пока, инженер! Прощай!..

– Подожди, Майкл! Хочешь, я пошлю сигнал в вашу службу спасения? Тебя наверняка подберут. Какой твой адрес?

– Удачи!

Больше он не отвечал.

– Какой-то бред. Он сошел с ума! Командировка... Счастье... Тело...

7

И снова он отправляет запросы в центр по разным адресам. Снова пытается звонить, слать электронные письма, но в ответ лишь тишина. Достал вторую бутылку. Пил и не пьянел. Ходил кругами, ожидая ответа, снова проверял почту, снова пил. Почему-то вспомнил, как впервые его обучали пользоваться спутником. Любимая шутка военных – подглядывать за нудистами на пляжах. Только что с его помо-

щью он пытался найти информацию для австралийцев. Снова сел за компьютер, на этот раз выбрав спутник, который в это мгновение проходил над Европой, нашел координаты нескольких столиц. Куда смотреть?

Лондон. Набрал координаты, оставалось нажать на клавишу и появится картинка. Его передернуло. Он не мог нажать на эту клавишу. Все уже было понятно итак, но все равно не мог. Программа спутникового поиска торопила – сейчас выйдем из зоны наблюдения. Enter!!! Ничего не видно! Приблизил. Снова ничего. Сфокусировал картинку, словно находился на высоте пяти километрах над уровнем поверхности земли. Круги. Несколько кругов, как олимпийские кольца, сплелись там, где еще вчера находилась европейская столица.

Москва. Картинка с высоты километра: Огромный мегаполис, река разделяет районы, петляя по городу, улицы кривыми лекалами прорезают кварталы, и сплошная дымка в огне – город горит. Никакого движения, только пожарища после нейтронной атаки.

Париж. Огромная воронка, присыпанная, припудренная по краям развалинами домов. Огонь и дым, все замерло, и только Сена медленно заполняет эту яму мутной водой, стекая, словно в сточную канаву.

Последние координаты набрал свои. Приблизил. Ближе. Еще ближе. Наверху занималось утро. Полусфера здания покоилась в небольшом зеленом ущелье посреди скал. Как по-

следнее пристанище, как ковчег после потопа, заброшенный и забытый высоко в горах... Спутник ушел, картинка исчезла, оставив его наедине с пустым экраном. Он погребен здесь один, навеки, навсегда. Он никогда не выберется отсюда, и никто ему не ответит!

Еще виски и еще – теперь уже было все равно. Дальше не помнил почти ничего... Временами казалось, что видит двух незнакомых людей – одного, одетого во все белое, другого в черное. Они призрачными тенями мелькали рядом, о чем-то говорили, спорили, проходили сквозь толстые бетонные стены и исчезали, появляясь снова. На него они внимания не обращали. По-видимому, он им был неинтересен. Это было наваждением, и тогда он понял, что бредит. А на экране мелькала игра. Армагеддон. Он летел на корабле, стрелял по вражеским станциям, взрывал ракеты противника. Виски, снова взрывал, снова виски. И, наконец – Game over! Игра окончена! **ВЫ УНИЧТОЖЕНЫ!** И тишина... Кромешная тишина...

8

– Game over! Милый друг, я тоже говорю по-английски, хотя, это уже не актуально, – воскликнул человек в черном.

– Еще не все кончено, – перебил его белый человек.

– Понимаю, начинается самое интересное?! – обрадовался черный, в нетерпении потирая руки. Они сидели в простор-

ной комнате, уставленной компьютерами. Столик небесного кафе находился здесь же перед ними, как будто не прошло и минуты с их последней встречи. Девушка в розовом прошла мимо и, посмотрев на них, перевела взгляд на странного клиента, который безвольно поник за компьютером, а голова его лежала на клавиатуре.

– Ему что-нибудь подать? – спросила она.

– Ему, пожалуй, уже достаточно, – зло сказал человек в белом.

– Фи! – сказала девушка.

– Не твое дело! – оборвал ее парень в черном.

– Фи! – повторила девушка в розовом и удалилась.

– Ему что-нибудь подать? – ерничал парень в черном. Его собеседник промолчал, тогда он продолжил:

– Как здесь хорошо, как тепло! Сыро, глубоко, не палит жаркое солнце! Нужно заглядывать сюда почаще – милейшее местечко!

– И все-таки это не конец, – перебил его белый человек, а одетый во все черное, почесав волосатую грудь, погладив волосатые руки, воскликнул:

– Взгляни на него! Когда он отрезвеет, когда проснется, будет ходить кругами вокруг своего компьютера. Снова и снова. А когда поймет, что ему не оставили никого, начнет ломаться. Ты знаешь, как это происходит, ты помнишь это, тысячи раз ты это наблюдал. Сначала он не сможет принимать пищу, потеряет сон и только виски будут его спасать.

Потом медленно, тихо начнет сходить с ума, а дальше, милый друг... Вообще-то я за медленный процесс, так сказать, за чистоту эксперимента – торопиться некуда – у них годы, у нас мгновения, но мне кажется, что и этот спор тоже мой. Всему есть предел и силам этого ничтожества тоже – все предопределено. И только в нашем кафе можно пить кофе бесконечно долго...

– Нет. Время еще есть. Я слишком много в них вложил. Время еще осталось.

– Время? Пожалуй, это самое страшное, что у него осталось.

Черный парень с удовольствием и безгловым презрением рассматривал их подопечного:

– О! Проснулся! Заметался! Вот прошло еще несколько часов – он подавлен. Ни от кого нет ответа. Снова бродит без толку. А что ему остается? Это зависимое существо, животное, он привык жить в своем стаде и теперь без него не способен ни на что. Он ничего не может!

– Сможет! Я оставил ему для жизни все.

– О-о-о! А это еще хуже. Лучше бы ты чего-то не оставлял. Они не могут пройти испытание ВСЕМ. Им даже этого кажется мало, вместо того, чтобы поделиться, получать от жизни удовольствие, они будут продолжать пожирать себя и подобных себе.

– Я дал им для жизни все! – повторил белый.

– Для жизни? Им больше нравится смерть... Не расстраи-

вайся, но мне кажется, что больше тебе удалось муравьи. Воистину непобедимая армия тружеников. Пожалуй, этот проект был лучшим.

– А дельфины?..

– Извини! Конечно! Дельфины! Дельфины тоже! – засмеялся черный.

– Но они никогда не напишут картину или стихов, – прошептал белый человек.

– Их напишу тебе я! Может, не будем больше терять времени? Не будем ничего ждать и закончим все прямо сейчас! Согласись, эта сказка тебе удалась... не совсем! И не расстраивайся – на кону лишь чашечка кофе и фужер виски. Пустяки – не обеднеешь.

– Не в этом дело...

– Понимаю. Жаль плоды своего труда.

– Понимаешь? Что ты можешь понять? Ты ничего в своей жизни не создал!

– Да! Я великий скептик! А зачем создавать то, что рано или поздно превратится в тлен?

Человек в белом продолжал задумчиво сидеть за столиком, черный не скрывал радости:

– Прошло еще два дня,... еще три. Теперь он не может засыпать и жить без своих виски. Он ничего не может, только ждет ответа от своих... Три дня – не достаточно? Какие стихи, мой друг, какие картины, он с трудом находит еду там, где ты оставил ее на столетия.

– Прекрати подливать ему виски!

– Ты хочешь ускорить плачевный конец?

– Пожалуй..., – махнул рукой белый человек, вставая. –

Уходим!

– Хочешь, я усыплю его пока мы здесь? Так будет гуманнее! – засуетился черный.

– Ты говоришь о гуманности? Не смейся!.. Не надо, разберется сам.

Парень в черном дружески обнял белого за плечи.

– Прости, я забыл – ты не любишь подобных сцен, пойдем! И не расстраивайся, придумаешь себе что-нибудь еще. Ты же у нас великий выдумщик! Мечтатель и фантазер! А сюда зайдем через недельку... Или через месяц... Через год! Через тысячу лет! – уже смеялся он.

– Больше здесь делать нечего... Пойдем... Девушка, возьмите! – и белый человек бросил на маленький поднос пару монет. Та немедленно подошла и удивленно спросила:

– На этот раз так скоро?

– Не твое дело! – осадил ее черный человек.

– Фи! – ответила розовая девушка, забирая деньги.

– И не стоит сюда больше заходить, – добавил белый, – разберется сам...

– Зато твои муравьи...

– Да! Муравьи!.. А дельфины?

– И дельфины!.. Конечно, дельфины!

Их голоса таяли, а фигуры растворялись вдалеке. Они

уходили.

9

Очнулся от холода. Ледяной кафель больно давил на лоб и руки, а он совершенно голый лежал на дне ванной. Как попал сюда – не помнил, только чувствовал страшную тяжесть в голове, в затылке и спине. Напился до потери сознания и памяти! Если бы. Память сохранила ужас последних дней и была при нем. Она лежала в ванне рядышком, не давая пошевелиться, встать, что-нибудь сделать. Перевернулся на спину. Яркий свет больно ослепил глаза – как в операционной, только без наркоза. На краю раковины заметил недопитую бутылку виски.

– Какая по счету?.. Говорят нужно выпить – станет легче. Кто говорит? Говорить некому.

Раньше никогда в жизни столько не пил, голодным, много и так долго...

– Выпить еще?

Сделал глоток. Виски больно ударили по голове, и на мгновение он провалился в пустоту... Понемногу сознание возвращалось. Стало теплее. Теперь он сидел, безвольно покачиваясь из стороны в сторону. Долго так сидел. Зачем-то вспомнил историю о том, как один музыкант, или шоумен, или черт знает кто спасался в Лас-Вегасе от несчастной любви. Проиграв все деньги и решив покончить с собой, он бес-

пробудно пил уже целую неделю с надеждой о скорой кончине от спиртного отравления. Но умереть не успел, познакомился с отличной девчонкой, которая вытащила его и осталась с ним, чему в дальнейшем он был премного благодарен судьбе.

– Какая в голову лезет чушь!

Руки шарили по стене и полкам, ища опоры, ища, за что можно ухватиться.

– Нужно выбирать.

В руках оказался кем-то забытый бритвенный набор.

– Какой хороший одеколон!

Он любил запах хорошего мужского одеколona. Особенно, если тот был терпким и ненавязчивым.

– Новенькая бритва.

В руках предательски блеснуло лезвие. Тонкое лезвие острой бритвы, отражающее неоновым блеском свет ламп...

– Нет, он не способен на это!.. Но ведь это так просто. Нужно наполнить ванну теплой водой, слегка провести по венам. Это совсем не больно! И спокойно уснуть. Закончить кошмар. Просто уснуть! Мы каждую ночь делаем это. Бросаем в постели свое тело, а сами болтаемся где-то. Потом возвращаемся. Каждая ночь – маленькая смерть. Репетиция той последней – большой. Больно не будет. Не будет...

Вода прозрачной тонкой струйкой полилась в ванну.

– А как же страх перед неизвестным? А что там дальше? НИЧЕГО! Ничего – так и бояться нечего. Мы же не боимся

засыпать – вдруг не проснемся, проваливаемся в НИЧЕГО, а потом возвращаемся.

Выпил еще. Стало жарко.

– Вот и наркоз! Нет, только не возвращаться! Не к кому! Лучше в НИЧТО! А если Там что-то есть? А сны? А Фрейд? Как заманчиво блестит это тоненькое лезвие. Как избавление... Он пойдет к ним – к тем, кто бросил его здесь. Он не будет ждать, просто отправится к ним. Одним больше, одним меньше – никто внимания не обратит, никто и не заметит...

Вода медленно накрывала его ноги мокрым теплым покрывалом.

– Голый, каким пришел в этот мир, таким и уйдет... Зачем пришел? Чтобы уйти. Не бери в голову – не время. Если до сих пор не ответил на этот вопрос, значит уже не стоит.

Он глотнул еще. Больше не было ощущений отравления, было спокойно, ясно в голове и хорошо. В одной руке он держал лезвие, в другой бутылку и наблюдал за тем, как вода поднимается все выше и выше. Страшно не было...

Вдруг заметил две фигуры, они лежали на поверхности воды, колыхаясь в мелкой ряби, словно отражаясь от нее. Одна напоминала человека в белом, другая в черном. Он где-то уже видел это. Наваждение! Вспомнил, что совсем недавно они являлись в его сознании. Он вздрогнул. Эти двое холодно на него смотрели. Потом на воде возникло небольшое движение, и две призрачные фигуры помахали ему руками, словно прощаясь. Он поднял глаза к потолку, но там навиги-

сал равнодушный белый кафель и больше ничего. Снова перевел взгляд на воду – она была прозрачной и чистой – тени исчезли. Сделал еще глоток, медленно приходя в себя...

Он смотрел на свое тело и ждал. Теперь, когда торопиться было некуда... Смотрел с интересом. Как он устроен: Ноги, колени, руки, кисти рук, фаланги пальцев. Жилки, по которым текла кровь, приводимая в движение мотором в груди, – вечным двигателем. Морщинки на руке, волосы, покрывающие ее, тонкие сильные пальцы, линии на ладони.

– Как все продумано! Гениально! Ничего лишнего, сложно и одновременно просто... Рука!

Он смотрел на нее, как на картину.

– Тело!.. Его тело!.. Или не его? Этот неизвестный автор – он гений! А кто такой ты? По сути, ничтожный человек! Человечек! Что создал ты в своей жизни столь значительного, чтобы иметь право это уничтожать?

Он еще долго смотрел на руку, не чувствуя, что она принадлежит ему. Это был сторонний предмет, прекрасный, но совсем чужой...

Вдруг отшвырнул лезвие, за ним бутылку, порадовавшись грохоту битого стекла.

– Какое право ты имееешь на ЭТО посягать?

Судорога парализовала тело, кровь ударила в голову.

– Это не твое тело, не твои руки. Ты получил все это, как дар! Для чего? Какая разница! Не важно! Если сейчас ты не можешь этого понять, это не дает тебе права уничтожать.

«Тело – костюм напрокат для командировки в эту жизнь». А там – будь, что будет...

Ванна больно на него давила, выталкивая наружу, больше он ее не интересовал. Он вскочил, включил сильный душ. Яростно и в то же время бережно вымывшись, выбрался наружу. Доплелся до ближайшей комнаты, провалившись то ли в обморок, то ли в сон. Уснул, словно умер – без снов и ощущений. Спал долго, не помня ни себя, ни времени, но с точной надеждой проснуться. Проснуться или воскреснуть! – напоследок мелькнуло в голове. – И зачем?...

10

Ему было 44. Он и раньше был один – родители остались где-то там, в прошлом веке, друзья тоже были, но в его прошлой жизни – в далекой юности, была жена, с которой они давно расстались, детей она ему не родила. Молодость прошла в одной из стран Восточной Европы. Там он вырос, окончил университет, получил степень. Казалось, ждет блестящее будущее. Дальше пытался работать по специальности, но оказался не у дел. Время было такое. Он уехал. Уехал с надеждой когда-нибудь обязательно вернуться, но ждать десятилетия не мог, а таких, как он ценили везде. Перелеты, переезды, страны, города. Теперь выбирал он. Сменив одну, вторую, третью европейскую страну, оказался здесь. Была интересная должность, ему нравился здешний народ: от-

крытый, веселый, немного ленивый, с четырехчасовыми перерывами посреди рабочего дня. И, хотя всегда чувствовал себя иностранцем, ему по-настоящему было хорошо и на его новой работе, и после нее по вечерам тоже. Он часами мог сидеть в каком-нибудь баре или кафе на набережной, слушать музыку, песни, смотреть, как эти люди живут, отдыхают, веселятся. Здесь было все – море и горы, теплые звездные ночи, реки, в которых он научился ловить форель, всегда лето и солнце, снова МОРЕ – огромное и прекрасное! Иногда он знакомился с женщинами, но, то были мимолетные встречи. Хотелось чего-то большего и только тогда что-то менять в своей жизни, а пока себе говорил – не родилась еще ТА! Так было еще вчера...

Он проснулся и сразу же об этом пожалел, мгновенно вспомнив кошмар последних дней, который стоял перед глазами. Уже не было так больно. Как под наркозом. Были странные ощущения чего-то нового, непонятного, какого-то знания, неизвестного доселе. А еще эта рука, которая его спасла!

Нужно было вставать, что-то делать. Привычка, когда другие решали за тебя все, исчезла навсегда.

– Интересно, что он сделает, когда откроет глаза?

Потолок отражал бессмысленность его взгляда. Белый потолок давил, прижимая к дивану, и он чувствовал эту тяжесть, ощущая сотни метров над головой. Табло больше не светилось предупреждением, на компьютере не мигали сиг-

налы «автопилота» – отбой тревоги.

Он без сожаления покидал эту глубокую нору, поднимаясь на лифте. Ему повезло – о нем забыли, на него пожалели свои бомбы, иначе он остался бы там, внизу, навсегда. Первое, что увидел, когда дверцы лифта открылись, было солнце. Его лучи врывались в комнаты, заливая ярким светом все вокруг. А после страшных дней и ночей, так похожих друг на друга, как в могиле, под страхом быть уничтоженным, он чувствовал, что снова родился. Просто о нем забыли.

Подошел к окну. Защитные жалюзи были открыты. Яркое солнце освещало горы, ущелье, растения, словно ничего не произошло. Природа с видом победителя торжественно замерла и была к нему равнодушна. Ей было на него совершенно наплевать. Только теперь он понял, какой кошмар пережил там, внизу. Но здесь светило солнце и снова хотелось жить. В этот момент почувствовал, как он устал, а еще понял, что невероятно голоден. Он еле держался на ногах и теперь мысленно разговаривал сам с собой, словно с больным:

– Все будет хорошо. Просто нужно умыться, переодеться и найти еду! Жизнь продолжается.

Он прошелся по этажу среди комнат, заставленных столами, компьютерами, какой-то мебелью. Будто видит все это впервые. словно не было тех лет, которые он здесь прожил. Все казалось в новом свете, смотрел он на все другими глазами...

– Еда!

Он умирал от голода после шоколада и виски, круассанов и виски, бессонных и пьяных ночей.

Нашел одежду, быстро умылся и спустился на этаж ниже, где находился, похожий на гостиничный комплекс, кухонный отсек.

Этот дом был воистину произведением искусства. Многие умные головы, и он в том числе, посвятили свой талант этому проекту. Дом был создан для таких, как он – временное прибежище. На этом этаже находились буфет-столовая, комнаты отдыха и даже небольшой спортивный комплекс. Люди, приезжавшие ненадолго сюда, проверяющие или по работе, чувствовали себя не хуже, чем в хорошей гостинице.

– Он должен разыскать еду!

Это была не просто кухня. Кроме множества электрических приборов и приспособлений, находился компьютер, в котором и была заложена информация обо всех запасах.

– Отчаянно хотелось есть!

А с помощью этого компьютера можно было запросить еду с нижнего этажа и на мини-лифте поднять сюда. Списки продуктов заполняли обширную базу данных:

Мясо, курица, рыба...

Выбрал курицу.

Приправы – рекомендуемые.

Раздел «Напитки» – соки, кофе, минералка.

Хлеб! Замороженный хлеб, нарезанный и, по мере по-

ступления, оттаиваемый до нужной температуры.

– Все! Хватит!

Дальше предлагались рецепты. Слишком навязчиво, много лишней информации для человека, испытывающего голод, но одним нажатием клавиши можно стряхнуть ненужное с экрана и дожидаться посылки. А в эту минуту где-то на глубине сотен метров обработанный запрос исполнялся за считанные секунды, а в пустоте его желудка уже не было возможности ждать!

Тем временем, огромные контейнеры в холодильниках выделяли нужный продукт, затем формировалась партия, которая по транспортерным лентам попадала в специальный мини-лифт и поднималась сюда.

– Как долго!

Еще две-три минуты – дверца лифта открылась, и еда оказалась перед ним. Он набросился на теплый хлеб, а пока курица шипела на гриле, жадно его жевал, одновременно готовя кофе. Вскоре горячая снедь лежала на тарелке.

Белые длинные столы, удобные кресла, напротив перегородка из квадратиков зеркала, мягкое освещение. Просторно, уютно и светло. Он так проголодался, что сейчас не видел ничего. Держа в руках большие куски курицы, зубами разрывал их на части, обливался жиром, заглатывая не жуя, и чувствовал, что жизнь возвращается! Больше он не думал ни о чем. Как мало нужно человеку – быть голодным и удовлетворять свой аппетит! Ел, не замечая ничего. И вдруг от-

ражение в зеркале привлекло его внимание. Зрелище было чудовищным – большой небритый человек в мятой одежде, с красными, от недосыпания и усталости, глазами рвал зубами несчастного цыпленка, забрызгивая себя жиром. Давился, обжигаясь горячим кофе. Компьютерный гений, эстет, человек недурного воспитания и ума. Он ел и продолжал смотреть. Снова и снова рвал зубами мясо на части. Какое-то время упивался этим зрелищем, а зеркало продолжало издеваться:

– Новый образ последнего человека – интеллигентного, дикого, в костюмчике, с курицей в жадных, залитых жиром, руках. А еще можно вытереть их о волосы или рубашку!

– Нужно будет – вытру! – негодовал он. Не выдержав, вскочил, умылся и снова заглянул в свое отражение. Долго так смотрел, не отводя глаз. Наконец, отвернулся.

– Какой идиот облицевал все стены зеркалами? – проворчал он.

Но, поправив ворот рубашки и взяв нож и вилку, доел до конца. Теперь он мог снова повернуться к зеркалу лицом.

– Кому это нужно? Какая теперь разница? А твое какое собачье дело?! – заорал он.

– Тогда, можно поставить перед собой миску и лакать, – разумно предложило зеркало.

Пообедав, прошелся по столовой, оглядываясь по сторонам, и снова не оставляло ощущение, что видит все это впервые. Два года он приходил сюда, прекрасно знал здание, оборудование, обстановку. Но тогда все было по-другому. Раньше, он как хирург, который знал своего пациента изнутри, не задумывался и не обращал внимания на его внешность. Встреть позже – не узнал бы. А теперь, словно, знакомился заново и смотрел на все со стороны. Со своей стороны. Когда-то они строили этот дом для кого-то, а оказалось, что для него.

– Что же, пора познакомиться поближе с этим наследием человечества, – подумал он. Тем более что объект не был сдан, и все ли работало нормально, все ли они успели сделать, было неизвестно.

Здание представляло собой три этажа на поверхности скалистой местности высоко в горах – 1200–1400 м. над уровнем моря. Всего три этажа, а под ним еще один служебный этаж складского назначения. Туда он и спустился, начав осмотр. Обстановка напоминала склад – масса оборудования, генераторы питания. Сами солнечные батареи были наверху – те самые окна, которыми было облицовано здание. А здесь находилась небольшая подстанция, от которой электр-

тричество распределялось по всему зданию. Он продолжил оглядывать помещение:

Системы очистки и вентиляции. Дальше небольшой ангар, в котором стояли вездеходы, снегоходы, какие-то военные самоходные машины. Шкафы с оружием. В дальнем углу виднелся в разборе дельтаплан, оборудованный небольшим мотором.

– Набор Джеймса Бонда! – удивился он. Здесь же размещались шлюзы деактивации для выхода наружу, а рядом на стеллажах лежали костюмы, в которых можно было долго находиться в зоне заражения. И даже снаряжение альпинистов.

– Выйти наружу? – мелькнуло в голове. – Надеть этот костюм и посмотреть, что происходит там? – но в ужасе отшатнулся, вспомнив картинки со спутника. Да, и инструкции запрещали такую самостоятельность.

Он продолжил свой обход. Основные системы жизнеобеспечения находились в подземной части убежища. Бензин здесь не держали, но оттуда, снизу, можно было запросить нужное количество топлива, и из подземных резервуаров получить его для заправки любого аппарата.

При воспоминании о подвале его передернуло. Он не мог больше думать о нем, как и о тех первых днях. Но оглянулся и успокоился. Здесь не было окон, не светило солнце, заливая ярким светом все вокруг, но и не было той глубины – сотен метров, которые, словно, лежали на плечах, пригибая к бетонному полу... И, наконец, знакомая комната с датчи-

ками и системами контроля. Туда он не пошел...

Вернулся на первый этаж, где недавно обедал. Здесь все было скорее для отдыха – просторная столовая, несколько комнат (гостиничных номеров) и небольшой спортивный зал, куда он раньше почти никогда не заглядывал. А сейчас зашел – бассейн метров пятнадцать, сауна, душевая. Вдоль бассейна ряд тренажеров и маленькая джакузи – небольшой спортклуб.

Второй этаж – кабинеты, комнаты, лаборатории, компьютеры... Здесь для него была привычная среда обитания. А вот и комната его отдела... И везде оставленные вещи людей, которые в прошлую пятницу покинули это здание. Они, словно, на минуту отошли, но скоро вернуться... Нет! Не вернуться! А их вещи по-прежнему оставались здесь, ожидая своих хозяев. Ему неудобно было перед ними, казалось, все эти вещи смотрят на него с укоризной, словно он в чем-то виноват.

Поднялся еще выше. Третий и последний этаж – большая комната-мансарда непонятного назначения. Раньше здесь сидело руководство: стояло несколько столов, стульев, диваны и какие-то незначительные аксессуары обстановки. Просторно и светло. Что здесь должно быть в будущем было неизвестно.

– В будущем, – повторил он про себя. – Вот оно – это будущее. Наступило! А что здесь будет – решать теперь ему одному...

Одному... Одному..., – гулким эхом отозвалось в сознании.

Он ходил, и шаги звенели в пустоте, отражаясь от стен, от потолка, затихали, снова звенели в ушах, нарушая тишину, которую нечем было заполнить. Посмотрел вверх. Огромный прозрачный купол накрывал эту мансарду. Само здание представляло собой полусферу, и здесь, на третьем этаже, не было ни единой стены, только лифт одиноко торчал, как телефонная будка. Окна у здания были формы мозаики, состояли они из шестигранников, напоминая соты, поэтому объект иногда называли – улей. Они были сделаны из прочного пластика, который мог менять несколько цветов на выбор. Еще эти окна могли работать как лампы освещения внутренней части, а снаружи, как солнечные батареи. Поскольку климат был очень солнечным, эти батареи снабжали электричеством весь комплекс круглый год. Если выпадал снег (а такое редко, но случалось в этих широтах), на окнах автоматически включалась система оттаивания.

И, наконец, основная часть комплекса – подземная, где он провел те страшные дни, но сейчас вспоминать он о них не хотел. Находилась она на глубине более двухсот метров, куда вела целая система лифтов. Там было все для жизни тысяч людей, все службы жизнеобеспечения. Помещение было с несколькими выходами наружу в километре отсюда. Огромные резервуары топлива, целое замерзшее озеро питьевой воды, запасы провизии на многие годы для небольшой коло-

нии военных. Системы «на дне» и наверху были совершенно независимы и, как говорят, замкнуты. Огромный космический корабль. Но куда на нем плыть?

Экскурсия закончилась. Зачем он столько времени рассматривал это? Неизвестно сколько времени он проведет здесь, поэтому нужно было все проверить. Да и торопиться некуда, а что ему делать – он не знал. Находился здесь, словно в гостях, а хозяева забыли купить буханку хлеба, оставили его на пару минут и скоро вернутся...

Он сидел за длинным столом верхней мансарды и размышлял:

– Здесь есть все для жизни человека. Он абсолютно защищен от внешней радиации. Еды и воздуха хватит на столетия. Только, зачем так много? Ужас в том, что ему нечем себя занять. Все работало без его участия. Некуда идти! Нечего делать! Если обезьяна когда-то сделала усилие, взяв в руки палку, чтобы стать человеком, ему оставалось отбросить ее за ненадобностью и вернуться на стадию первобытного человека.

И вспомнил свой завтрак... Потом взял со стола чью-то забытую ручку, повертел ее и... бросил далеко от себя.

– Отбросить, и все. Зачем она теперь нужна? А что ему нужно?

Ручка ударилась об огромное окно, отскочила и покати-лась по полу. Это был единственный звук, который мог на-

рушить искусственную тишину. Тишину, которая давила на уши и разум, казалось, можно было получить контузию. А барабанные перепонки разорвутся от безразличия стен и пустоты окружавшей тишины. Вокруг вещи, мебель, какие-то мелочи и еще эта тишина!

Он схватил пепельницу и бросил ее вслед за ручкой. Та, описав полукруг, тоже ударилась о стекло, которое равнодушно, с презрением отразило удар. Оно могло выдерживать давление в тонны, а тут какая-то пепельница, к тому же грязная. Маленький робот-пылесос явился ниоткуда, он безропотно втянул вонючие окурки и исчез, проворчав:

– Этот человек не понимает бессмысленности своих действий, он потерял чувство реальности и творит глупости.

Но, он его не услышал, а предметы уже разлетались во все стороны. Они ударялись о стены-окна, летели в прозрачный потолок и неминуемо заканчивали свой полет на холодном безразличном полу. Стол отлетел в сторону, стулья следом!..

Вдруг посмотрел вверх, сквозь прозрачный купол сквозь решетки ячеек-сот. Показалось, что солнце на мгновение приостановило непрерывное движение, застыло на ясном небосклоне, глядя на него с интересом. Он замер и тоже, не отрываясь, на него смотрел. Так они следили друг за другом – один в недоумении, другой в безумном своем порыве. Можно ли было назвать это солнце живым? Оно так явно взирало, было тем единственным, настоящим зрителем в этом закрытом аквариуме, в замкнутом мире, который окру-

жал его. Он сел на диван, уставившись в точку перед собой. Его зрачки остановились посреди усталых глаз, они не концентрировали какой-либо предмет или мысль и смотрели в пустоту.

– Раньше в жизни всегда была какая-то цель, план. Теперь непонятен был этот маршрут. Куда? Зачем? Нет, на этот вопрос он сейчас отвечать не будет. План? Нужен план, которому он мог бы следовать. В конце концов, можно составить распорядок, хотя бы на ближайшее будущее и соблюдать его. И подчиняться! Именно подчиняться! Нужно поучиться у военных! Дисциплина мобилизует! А там будет видно.

Нашел инструкции для военного персонала низшего звена. А сейчас он и был тем низшим звеном. Не военным, в данной ситуации низшим. Перелистал несколько страниц. Инструкция предписывала: «Строго выполнять эту инструкцию».

– Абсурд, – подумал он, но продолжил чтение: «Оставаться в помещении убежища и не предпринимать действий для выхода наружу без приказа». Далее шло описание комплекса и как его использовать в военное время: «Все действия персонала только по особому распоряжению... Поддерживать боевой дух!»...

– Как хорошо быть военным! За тебя все решат и никаких сомнений, никакой инициативы без приказа. Ты давал присягу и кончено. Присяги он не давал, но будет поддерживать боевой дух! И так до особого распоряжения! Итак, расписа-

ние.

Он поднял ручку, которая теперь ему была нужна, поставил стол на место, взял лист бумаги и начал писать:

– Подъем в 9.00. Наконец, можно будет выспаться! Час на утренние дела и завтрак. Дальше... Допустим, спортзал.

Он не занимался спортом много лет, при его образе жизни это было невозможно, но сейчас в условиях войны он должен быть в форме! Занятие спортом. И это не один час. Можно изучить разные программы. И не только спорт! Вспомнил, что здесь находилась огромная база данных с множеством информации. Гигабайты и гигабиты наследий науки и культуры, огромное количество кинофильмов, книг, музыки. Словно, кто-то специально постарался передать наследие человечества в будущее. Словом, для жизни человека здесь было все!

Он записывал на листе бумаги крупным почерком. Крупным, потому что лист был большим, а его нужно было чем-то заполнить.

– Спорт! В 14.00 обед. Торопиться некуда, поэтому он будет изучать рецепты и научиться делать что-нибудь сложнее яичницы. Нужно перепробовать все, что можно получить от этого улья. Поэтому новые для него рецепты и спорт, и любая возможность заняться делом заполняют чертово время и этот лист бумаги. Ко всему он будет относиться как к долгожданному отпуску – наконец появилась возможность отдохнуть!

15.30–17.00 – чтение книг.

17.00–19.00 вечернее посещение спортзала.

19.00 – ужин.

Вечером музыка, кино, книги. В час ночи отбой.

Легко сказать – спать, чтобы спать, нужно уснуть. Те последние дни он был в оцепенении. Там, внизу, целыми днями бродил по комнатам, хотел заснуть, но не мог, и только виски помогали ненадолго забыться, а потом все сначала. С ужасом подумал, что этим вечером придется лечь в постель. Но он должен этому научиться!

Перечитал расписание – нашлись кое-какие дела, а больше ничего в голову не приходило.

– Небольшой отпуск? Посмотрим, что получится!

Отдыхать он не умел. Какой в этом смысл? Он привык искать во всем чертов смысл, который ранее находил где-то извне. Теперь смысл находится в этом здании.

– Где?! Нужно сместить акцент, изменить привычки и он найдет его. И зачем расставлять все по своим местам? Проще выполнять военную инструкцию и ни о чем не думать – «до особых распоряжений». И начинать нужно прямо сегодня. Сейчас! А вечером спать!

Снова вспомнил об этом – «спать».

Почему-то иногда, чувствуя, что не здорова душа, инстинктивно начинаешь лечить тело. Целую неделю он не мог заснуть. Но сейчас твердо решил не прикасаться к спиртно-

му до тех пор, пока не перестанет в нем нуждаться. А засыпать без виски все прошлые ночи он не мог. Военные инструкции предписывали в состоянии стресса принимать таблетки, на этот счет были рекомендации, а в аптечке большой их выбор. Он сразу же это отверг. И к кофе привыкаешь, а к наркотикам и подавно. Но как он сегодня уснет?... Говорят – ни с чем несравнимая душевная боль. Сравнимая! Еще как сравнимая! И каждый через это рано или поздно проходил.

Одна наивная, детская история случилась с ним давно и сейчас он почему-то ее вспомнил. Когда-то, в молодости, он познакомился с девушкой и уже спустя несколько месяцев относился к ней очень серьезно, но однажды она ушла с его другом. Он страдал. Не спал. Он не знал, что делать – то ли стихи писать ей вдогонку, то ли вызвать друга на дуэль. По ночам, как Пьеро, бродил по темным улицам, ища свою Коломбину. Возвращался, клал голову на подушку и снова не мог уснуть. Иногда проваливался в полудрему, но просыпался вновь. Ночь, вторую и третью... А на четвертую уже действительно не спал. К вечеру у него разболелся зуб. Да так, что он не мог ни лежать, ни стоять. Воспаленный нерв горячим кинжалом пронзал десну; болело все: и голова, и все тело. Он сидел на краю ванны, покачивался из стороны в сторону, полоща рот травяным раствором, а пойти к врачу можно было только утром. Это была пытка. Перед ним были часы. Часовая стрелка стояла на месте, минутная едва передвигалась, и он считал секунды. Пытка болью, помножен-

ная на секунды. Такого количества секунд боли в его жизни еще не было никогда! Все остальное в этот момент не имело значения... Так досчитал до утра, выскочил из дома, добежал до врача и удалил зуб. Пришел домой, упал в постель и мгновенно уснул, а вечером, когда проснулся, понял, что избавился не только от зуба, но и от нее. Вот так... И сейчас он будет нагружать руки, ноги, все свое тело, чтобы оно больше не давало его голове мучить его самого.

12

Он спустился на первый этаж и открыл двери в зону спортивного отдыха. Первое, что бросилось в глаза – огромный, для такого помещения, бассейн – метров пятнадцать. Рядом была небольшая ванна-джакузи. Он разделся и прыгнул туда. На бортике была панель с тремя кнопками. Нажал на первую – из стен забили водяные струи. Вторая – из панели над головой на него свалился водопад. Третья – ударила мощная струя и сбила его с ног. Нет, не струя – множество струй. Он встал, оперся о них и начал массировать спину и плечи, живот, руки, шею. Было больно, но приятно. Потом плавал. Скоро стал задыхаться. Не удивительно – плаванием он занимался двадцать пять лет назад, еще в студенческие годы. Вышел из бассейна и открыл кабинку сауны. Выбрал нужный режим, немного подождал и на несколько минут зашел внутрь. Затем выскочил – и в бассейн. Потом снова на

все кнопки. Его било, крутило в этом маленьком водовороте и, преодолевая боль, он получил, наверное, первое удовольствие за эти дни. Потом снова в бассейн и в джакузи, в сауну – и назад. Да, удовольствие! И гори все... Наконец выполз из бассейна и направился к тренажерам. Здесь, как и везде, был компьютер, в котором он без труда нашел разные программы. Пробежал по беговой дорожке, но на пульсе в сто сорок остановился. Сто сорок – хорошо! Он станет нормальным человеком, он снова будет спать! С остервенением набросился на тренажеры... Все заняло около двух часов. Он был доволен собой, тело ныло от непривычной нагрузки, конечности не слушались. На каждой из них, словно, висели пудовые гири, и руки тяжелыми плетью свисали с туловища. Ноги еле передвигались. В изнеможении сел на край бассейна и долго смотрел на воду.

Это был очередной феномен комплекса. Управлялся он автоматически. В нужный момент брался анализ воды и производилась очистка. Вода не менялась никогда, всегда оставаясь чистой. Подводный робот-пылесос в отсутствие людей протирал стенки и дно бассейна. Используя присоски, он ползал по вертикальным поверхностям, а закончив работу, прятался в нишу-норку. Здесь, как и везде, умный дом сам ухаживал за собой. Сауна отключалась автоматически, вентиляция приводила состояние влажности в норму, лишняя влага перерабатывалась, очищалась и снова поступала в бассейн. Подогрев можно было регулировать вручную, как и

все остальное, но он пока не хотел ничего трогать. Все здесь было удобно и комфортно. Только чувствовал он себя здесь лишним. Все работало без его участия. Он никому был не нужен, кроме самого себя. А зачем он нужен себе?...

На ужин решил не торопиться, поэтому начал с подробно-го изучения продуктов, имеющихся внизу, заодно проверил их количество. Ведь могли завести их малую часть, комплекс еще не ввели в строй. С замиранием открыл базу данных. Общее количество еды составляло десятки тонн! Подсчитал: если в день он будет съедать килограмм – хватит на... пять-сот лет. Воды было целое замерзшее озеро и всегда небольшо-й ее резерв растаявшей и готовой к употреблению. Пода-валась она наверх автоматически, как в городских домах, на-сосной станцией, и ему снова не о чем было беспокоиться.

Потом он не спеша исследовал ассортимент продуктов. Для жизни здесь было все – большой выбор разнообразной еды, попадались деликатесы, даже спиртные напитки. Види-мо, для военных в такой ситуации это допускалось в обход устава.

– Нет! Эту позицию он пропустит и очень надолго! – по-думал он.

На этот раз выбрал готовую еду. Разогрел и не спеша при-нялся есть. Поймал себя на мысли, что тянет время, боится остаться без дела наедине со своими мыслями.

– Нет, не тянет и ничего не боится, – уговаривал он себя, –

просто заполняет его различными делами. Да, времени много, а дел мало, значит, он придумает их для себя.

День приближался к концу. Скоро снова нужно будет ложиться спать! — мелькнуло в голове. Мелькнуло и погасло последней искоркой глубоко в сознании. Он был сыт, тело приятно болело, сейчас он пойдет наверх и будет продолжать жить, что-то делать. Нет, он не уговаривал себя, не обманывал и не сходил с ума. Просто он должен был отвлечь свои мысли от того, что было за этим окном, за теми днями, неделями раньше и привыкать к своему новому, такому странному образу жизни. Поэтому, больше не думал ни о чем, лишь выполнял приказы... Свои приказы...

На третьем этаже просмотрел базу данных кинофильмов и книг. Их здесь находилось тысячи. Выбрал фильм, который смотрел раньше, но тогда ничего не понял, а сейчас почему-то захотелось посмотреть именно его. Из книг выбрал ту, которую давно хотел перечитать. Наверное, такие книги и стоит читать, которые оставляют для тебя что-то еще.

Он смотрел кино и смеялся, и ходил с этими маленькими людьми по их маленькой стране, упиваясь их «большими» проблемами, снова ничего не понимал, но получал огромное удовольствие и чувствовал, что понимать ничего и не нужно. Потом, устроившись на диване, запоем читал. А поздно вечером соорудил ложе, поставил любимый джаз, улегся и задумался. Он давно не получал такого удовольствия. Он со-

вершенно успокоился и в первый раз за неделю смог расслабиться. Может быть, именно этого ему раньше не хватало – побыть наедине с собой. По-настоящему, наедине...

Так прошел первый день его новой жизни. Он потянулся за пультом и выключил светящиеся окна. Стало темно. Огромное небо заполняло все пространство над головой. Звезды светили – они были на месте, как раньше мерцали, успокаивали, желая ему спокойного сна. Так незаметно для самого себя он уснул безмятежно и с удовольствием, не подпуская к себе мыслей оттуда, из «вчера», никаких и ни о чем...

Часть 2

13

Прошло время. Теперь, просыпаясь, он делал все тщательно и с удовольствием. Долго умывался и брился, долго смотрел на себя в зеркало, что раньше делал лишь мельком и на бегу. Сейчас он как будто выздоравливал, возвращаясь к жизни после долгой и тяжелой болезни. Медленно, но со значением, передвигался в этом маленьком пространстве. Медленно, но с удовольствием, цenia каждое мгновение и любую мелочь. Не спеша одевался, привередливо выбирая одежду. Он интересовал себя. Вернее, теперь он был интересен самому себе – как выглядит, во что одет, что ест, какие книги читает и какую музыку слушает. Много времени проводил в спортивном зале. Он стал очень внимателен к себе и к тому, что его окружало. Прошел месяц с момента, как он здесь вынужденно поселился и, казалось, начинал привыкать к новой жизни. Только одно не давало ему покоя – проходя по комнатам, где стояли компьютеры, по верхнему этажу или, заходя на кухню, повсюду видел забытые кем-то вещи, напоминающие о людях, которые еще совсем недавно были здесь:

Вот куртка его приятеля. Вместе они ездили в горы, где на склонах в быстрых холодных речушках ловили рыбу. Тот

был заядлый рыбак. И если заглянуть в ящик его стола, можно было обнаружить крючки, поплавки и прочую мелочь. Куртка и сейчас висела на спинке стула. В этой куртке он отправлялся на рыбалку – одежда на все случаи жизни... ТОГДА был жаркий день, и его приятель оставил ее здесь. А в следующие выходные он хотел показать ему новые рыбные места. Хотел надеть эту куртку и отправиться на рыбалку. Уже не покажет... Да и нет там больше никакой рыбы...

На кухне у плиты висел пестрый разрисованный фартук. Не так давно его подарили на день рождения одному инженеру. Здесь же, в стенах комплекса, скромно отметили праздник и вручили имениннику подарок с нескромным рисунком. Тот посмеялся, но домой его забирать не стал – жена была строгих правил. А на фартуке была нарисована обнаженная женщина, которая готовила еду. Фартук так и остался висеть, никого не смущая в мужском коллективе. Но теперь... Смотреть на этот фартук было невыносимо!

Какие-то мелочи – ручки, портфели, одежда, кружки, забытые и оставленные... Они стояли, лежали, висели здесь и повсюду, во всех комнатах, на всех этажах. И куда ни посмотреть, везде эти маленькие напоминания о людях, которые совсем недавно были живы и находились рядом.

Как-то раз, сидя на кухне за одним из десятка расставленных столов и глядя по сторонам, он поймал себя на мысли, что больше не может видеть это. И вообще, не нравится казенная обстановка, которую после себя оставили военные.

Раздражала ненужная мебель, строгий казарменный стиль. Лишние столы, лишние стулья... Казалось, они ожидали кого-то, а он вместе с ними тоже сидел и ждал. И утром, и днем, каждый день, весь этот месяц постоянно ловил себя на мысли, что кто-то должен вернуться! Он войдет сюда, сядет рядом, что-то скажет... Но, никто не возвращался, и тогда он решил все изменить. Начиная с первого этажа, он устроил небольшую перестановку.

– А инструкции? Пожалуй, с военными он договорится! Да и не будет больше военных, и никого не будет, кроме него самого!

Сначала хотел убрать чужие вещи и несколько столов со стульями но, когда закончил, показалось мало. Тогда присел к столу и начертил план своего дома.

Дома! Он никогда не имел своего дома, за исключением детства. Но, детство это совсем другое... Какая-то чушь, он так мечтал всю свою жизнь о доме. Своем! Не в аренду, не гостиничном номере, а который, наконец, купит, расставит там мебель, посадит в небольшом палисаднике деревья, уложит дорожку из розового камня, сделает небольшой дворик, где будет стоять мангал и деревянные скамейки со столом, куда можно будет пригласить друзей. Может быть, снова появится женщина, которая родит ему ребенка, будет его любить. Как мало ему нужно было в той жизни, но что может быть больше этого? И вот он – его дом – первый и последний. Теперь и дом, и крепость, и палисадник...

– О чем он думает?... И все-таки он выкинет отсюда все!

Конструкция здания создавалась как трансформер (стены можно было передвигать или убирать), этим он и воспользовался. Помещение первого этажа со столовой и спортзалом, где проводил большую часть времени, он превратил в просторную гостиную с кухней, а через стенку находился бассейн. Для увеличения пространства он убрал занимавшие часть этажа, комнаты отдыха. В них больше никто не жил, а пустоту этих помещений терпеть он больше не хотелось. Стены легко передвигались нажатием кнопок на специальном пульте, и работа не составила большого труда. Потом перевез ненужную мебель вниз убежища – кровати, стулья, тумбочки, прочий хлам. Грузовой лифт вмещал в себя и более крупные вещи, а маленький робот-подъемник как послушный и трудолюбивый помощник один справлялся за целую бригаду грузчиков. Но, снова и снова находил эти чужие вещи, оставленные кем-то. Сколько времени он так старательно обходил их, не замечая? Больше так было невыносимо!

Всего за один день он превратил первый этаж в довольно уютное помещение. Получилась просторная светлая гостиная. Мягкую мебель оставил. Получился уютный уголок с журнальным столиком, торшером, креслами и диваном, где можно было поваляться после спортивного зала. Кухонный угол он почти не тронул, но убрал лишние столы, а на их место перенес, найденный на втором этаже, огромный стол и

застелил его скатертью. Окончив работу и осмотревшись, он остался доволен. Теперь, глядя на эту гостиную, не подумаешь, что находишься в офисном помещении. Вышло уютно и по-домашнему и, что самое главное, по-другому! Обстановка больше не напоминала ни о чем. В спортзале все итак было хорошо. У него оставались еще одно кресло и диван – туда их и перевез, к ним же подставив небольшой столик. Если иногда приходить сюда, как в баню с бассейном, купив пива, рыбки с чипсами и солеными орешками, нарезать сыр, прочую ерунду и позвать друзей, такой уголок будет очень кстати.

– Сходит с ума? Каких друзей?...

– Нет, не сходит, просто, так будет уютнее.

– Кому уютнее?

– Ему! И точка!

Откуда в нем открылась тяга к домашнему уюту? – недоумевал он. В нем, еще недавно неприхотливом человеке? Почему бы и нет? Здесь ему нравится. Здесь он хозяин, и все будет так, как захочет он. И пора забыть о людях, которых больше нет. Он должен сделать это! Но пока еще оставался он – этот он и будет продолжать здесь жить!

Закончив работу, обошел свои новые владения и, поправив на столе скатерть, решил, что чего-то не хватает. Все было на своих местах, было по-домашнему, но не хватало одного! Новоселья! Именно праздника не хватало в этом доме, и это будет настоящий фейерверк! И гори все...

Он прошел на кухню. Потом дотошно рылся в рецептах. Наконец, сделав выбор, долго приготавливал сложный соус из трав, оливкового масла, лимона и других специй. Целый час неторопливо мариновал рыбу.

– Кулинар! – бормотал он себе под нос.

Поднял из подвала бутылку замечательного французского вина. Ведь, не зря же у военных были запасы спиртного, в конце концов! Тем более что уже целый месяц он не прикасался к спиртному. Вино оставил к рыбе и выпил martini. Аперитив был очень кстати. Он был немного голоден и устал, а легкий напиток быстро поднял настроение и приободрил!

– Праздник! А значит одеться нужно подобающе.

На днях он нашел много одежды внизу убежища, перенес ее наверх и теперь отправился на второй этаж. Было пять часов вечера, новоселье назначено на шесть. Неторопливо надел светлые брюки и белую рубашку, поискав хорошую музыку, взял диски и спустился в свою новую гостиную. Из холодильников поднял множество закусок. Сегодня хотелось есть настоящую домашнюю еду, поэтому, надел фартук, ... нет, не тот... другой фартук, принялся резать салат. Никаких полуфабрикатов! Посмотрел на часы – ровно в шесть часов вечера он поставит рыбу на гриль – это украсит церемонию. А пока оставалось немного времени, аккуратно расставил приборы и открыл бутылку. Еще пять минут... Он придирчиво осмотрелся.

– Чего-то не хватает! Чего?... Если нет ключей к новой

квартире, значит будет...

Он повязал ленточку поперек гостиной, включил музыку и поднял бокал:

– Находясь в трезвом уме, полном здравии и открывая двери этого дома, я торжественно поздравляю себя и клянусь, что проживу здесь счастливо отведенные мне дни, не буду падать духом и ни о чем жалеть! – и, подумав, добавил: – И спокойно дожидаться приказа!

Ровно в 18.00 он перерезал ленточку.

Вино было прекрасно, рыба шипела на гриле, Рихтер играл его любимый концерт. Он заглянул в зеркало:

– Снова сходит с ума? Нет! Сегодня он поселился в своем загородном доме с видом на горы, небо и зеленые склоны. Сегодня новоселье!

И вот так, с бокалом вина он подошел к огромному, величиной во всю стену, окну и взор его приковала удивительная картина:

Ветер ласково шевелил деревья. Они, мерно покачиваясь, приветливо помахивали листвой. Они продолжали расти и жить, словно, знали какую-то тайну. Горы спускались к морю. Облака плыли большой белой стайкой. Словно, ничего не случилось, все, что выжило, продолжало жить прежней, глубоко продуманной жизнью. Он посмотрел на свою руку, на ладонь, исчерченную, разрисованную глубокими бороздами линий судьбы и жизни, снова долго глядел в окно и вдруг почувствовал себя крошечной частицей окружающего

мира, будто слился с кусочком природы за окном. Он стоял крепким стволом, цепкими корнями хватаясь за вершину скалы, плыл по небу вместе с облаками, шелестел легким ветерком, стелился травой, спускаясь мягким зеленым покрывалом вниз ущелья, срывался в бездну водопадом мелких камней. Казалось, сквозь толстые стекла слышал аромат последних цветов осени и желтеющей листвы. Сейчас он ощущал себя маленькой, но такой необходимой частью окружающего мира, песчинкой, атомом, осколком крошечного метеорита, заблудившегося во вселенной, оторванного от гигантской планеты, но продолжавшего свой путь.

– Метеорита!?!... Траектория падения или полета?... Полета!

И осознание какой-то значимости придавало ему уверенность и силы.

– Все нормально, ничего не случилось, все будет хорошо, все так и должно быть! – уговаривал он себя. Но еще одна мысль короткой вспышкой мелькнула в голове:

– Только их много, а он один. Они вместе друг с другом – деревья и кустарники, цветы, горы, облака... Как когда-то давно, как и прежде они вместе...

Видение исчезло.

– Но они живут, зная зачем, и он тоже найдет свою новую жизнь. Праздник продолжается!

Шло время, дни, недели, прошло несколько месяцев, уже почти полгода. Он был совсем один, но до сих пор не привык к этому состоянию. Спутники молчали, средства связи безмолвствовали, и он перестал обращать на них внимание. Больше он не выполнял приказы, потому что приказывать было некому. И если затерявшиеся Робинзоны имели небольшой лучик света, надежду дожидаться случайного корабля или самим выбраться из плена, ему надеяться было не на что. Старался не думать, но эти мысли всегда оставались рядом. Последнее время начал разговаривать сам с собой громко и вслух. Это было состояние неустойчивого равновесия, состояние вечного движения по наклонной скользкой поверхности. Стоит остановиться – начнешь сползать куда-то вниз. Но туда он оглядываться не хотел – не любил высоты, поэтому постоянно должен был трудиться, чем-то себя занимая. Но снова и снова мысли одолевали его.

– Такое с людьми бывало раньше, но они жили и выживали, – думал он. Как-то раз вспомнил репортаж одного журналиста:

Где-то в глубинке, в лесу, на берегу озера или реки, в сотнях километров от людей жил старик. И вот, один репортер разыскивает его и берет интервью. Старик уже двадцать лет, как ушел от городской жизни. Где-то осталась квартира, ра-

бота, городская жизнь – такая же, как у всех. У него не было проблем с законом и семьи не было, ничего и никого, что удерживало бы его там или заставляло бежать. Но, что он делает столько времени в этой глуши?! Наверное, одиночество в окружении тысяч людей в городе переносил тяжелее, нежели здесь. Такая обстановка соответствовала состоянию его души. Если человек один – он должен быть один! И уже ни за что не променял бы жизнь эту на ту – прошлую. Построил небольшую землянку, соорудил огород, научился ставить силки и капканы на мелкую дичь, и только спички, семена и кое-какую одежду взял сюда из прошлой жизни...

Зачем он вспомнил эту историю?

– А как же люди, ушедшие в монастыри – религиозные отшельники? Как жили они? Что у них было? Добрая воля вести такую жизнь, был смысл, а главное, шанс в любой момент вернуться назад. У него его не было. Даже не было возможности бороться за выживание – добывать еду, спастись от диких зверей, холода и прочих невзгод. У него было все, но у него не было никого! И он не хотел оставаться один, в конце концов!!! В этом месте он оказался, как муха, случайно залетевшая на борт самолета, откуда назад дороги нет.

Иногда он думал об этом и не мог не помнить о своем положении. Но, знал точно – ему постоянно нужно иметь какое-то дело, не важно какое, но занимать себя, пока не поймет главного – почему его заперли здесь? Почему именно он? Чего от него хотят?

В Бога он не верил. И напрасно! Было бы легче. Вера помогает держаться, она спасает. Но слишком долго он жил в стране, где вера была уничтожена почти полностью. Это позже вернулась возможность ходить безнаказанно в церковь и верить в Бога, снова начали строить Храмы и замаливать грехи. Он пробовал, но без наставника или без крещения, которое впитывают со святой водой в серебряной купели, мог оставаться лишь таким, каким был. Формально делать это не хотел, а по-настоящему не мог. Наверное, нужно время или что-то еще, чтобы найти и поверить в своего Бога. Зато был честен перед собой, от чего становилось только хуже.

15

В первые дни с момента, как он составил распорядок и начал истязать себя спортом, все тело с непривычки болело. Для начала он выбрал самую легкую программу и усложнял ее по мере сил:

Беговая дорожка. Шаг и еще, сотня, другая. Тысяча! Ноги уверенно отсчитывают равномерные шаги. Ноги не дают остановиться, ведут по жизни, которая теперь помещается на равнодушном клочке черной ленты, шуршащей внизу. Смотреть на нее не хочется. Она бесконечна, потому что замкнута, и путь твой тоже бесконечен, и не видно ему конца. Никто тебя не встретит на финише, ничто не порадует в пути. Шаг и еще, сотня другая..., тысяча...

– Нет, не так! Так можно сойти с ума!

Смотрим в окно. Медленно шагаем по ровной долине. Тропинка петляет среди редких деревьев и ухабов. Но вот поднимаемся на холм, взбираемся на самую его вершину, и сердце выскакивает из груди. Вот ровная площадка, теперь не спеша идем, отдыхаем, потрясающий вид на горы и море. Дышим глубоко, открытым ртом жадно хватая горный воздух, потом направляемся по склону к морю и кубарем скатываемся на пляж... Чуть не сбиваем мальчишку. Тот с другими детьми бежит по горячему песку, а над головами следом гонится летающий змей. Под ноги попадает мяч, неловко отбитый детской ногой. Так же неловко его пинаешь, он летит напрямик в море и прыгает по волнам...

– Стоп!

Соскакиваем с беговой дорожки и садимся на велосипед. Теперь едем по мокрому песку вдоль кромки воды. Небольшие волны касаются колес, смывая песок. Скорость небольшая. Но въехали на асфальтированную набережную и с радостью легко вращаем педали. Быстрее! Еще быстрее! Уже задыхаемся, открывается второе дыхание! За поворотом уклон и с сумасшедшей скоростью скатываемся на пляж...

А мяч все прыгает и играет с волнами. Только некому его подобрать, потому что никого нет... Никого!..

– Стоп!

Бросаем велотренажер, стаскиваем надоевшую одежду и бросаемся в море... Вернее в джакузи. Бьем себя сильными

струями, вода нещадно колотит, не дает дышать, лупит по всему телу и помогает не думать ни о чем! Слава Богу – ни о чем! Выбираемся на берег бодрым и полным сил. Завтра нужно бы изменить маршрут. Можно пробежать высоко в горах или прокатиться на велотренажере вокруг горного озера. Там будет видно...

Но и на озере, и в горах, и у моря – везде эти люди. Они бегают, загорают, купаются, катаются на водных велосипедах, едят мороженое. Живут!..

– Стоп!!!

Маленький уголок, где стоят тренажеры. Их ровно шесть! Целых шесть причин какое-то время не думать ни о чем! Нужно сосредоточиться, заняться телом, мышцами. Только телом и забыть обо всем! И нагружаем себя килограммами и центнерами, обливаясь потом. В голове цифры – считаем горы холодного металла, которые равнодушно качаются вверх вниз... Вверх вниз! Вверх вниз! Размеренный скрип пружин. Ты снова и снова повторяешь эти движения. Ты раскачиваешься, словно маятник. Вверх вниз! Считаешь! Сегодня ты поднял 7200 кг. Семь тонн за пару часов – неплохо! Через месяц – 9800 кг. Еще через месяц – 40 тонн! А дальше?... Что дальше?! Не важно, что будет дальше, главное не думать ни о чем.

Но что потом? Потом снова в бассейн или в море – куда угодно – куда забросит фантазия. А пока лишь усталость и тишина. Кромешная тишина...

Он не сдаётся. Теперь во время занятий он слушает музыку – выбирает песни старых любимых времен. Он заглушает ненавистную тишину! Специально сделал подборку, чтобы песни были быстрыми, ритмичными, и включает звук на полную мощность. Полюбил итальянцев. Почему? Черт его знает – почему! Наверное столько моря, солнца и соленой воды вмещает в себя только их музыка.

Это все, что у него было в тренажерном зале, но очень скоро он заметил, как начали появляться небольшие, но упругие мышцы. Тело менялось на глазах. Тело удивляло, оно спасало его, и он чувствовал себя моложе и бодрее! Именно здесь в спортивном зале ему было проще отвлечься от мыслей и ненужных воспоминаний. Когда-то эта рука выдернула его из ванны, выкинув острую бритву, а теперь тело уводило подальше от него самого. И только здесь ему удавалось забыться, правда, ненадолго. Не навсегда...

Но нельзя же вечно жить на беговой дорожке! И однажды он это очень хорошо понял. Как-то раз не очень удачно повернулся на одном тренажере. А на нем вообще не нужно было поворачиваться. Наверное, что-то отвлекло... Что? Не важно!

Острая боль пронзила руку. Потом стало лучше – ничего страшного – потянул мышцу, но заниматься в зале он пока не мог. Обычное дело. Обычное, но не для человека, у которого кроме спорта ничего нет. Наверное, так чувствуют себя молодые спортсмены, которые больше ничего не умеют, а

врачи запрещают тренироваться. И тут начался кошмар. Он пытался спастись, слушал музыку, читал книги. Он смотрел кино. Но теперь, когда не мог заниматься, он не мог уже ничего. И снова ходит кругами, готовя надоевшую еду, от которой уже тошнит. Его отпуск затянулся, он хотел трудиться, хотел что-то делать. А эти люди окружали его, они не давали ему покоя, ходили по дорожкам за окном, заглядывали сюда, уже находились рядом, сидели с ним за одним столом. Они преследовали, засыпали с ним в одной постели и даже были в его снах! Он выкинул их вещи, надеялся, что и воспоминания о них, но ничего не получилось! И если пытаешься прогнать какую-то навязчивую мысль, она еще более настойчиво начинает ломиться в уголки сознания. А когда тебя догоняют, когда дышат в спину – нужно остановиться и посмотреть врагу в лицо.

– Зачем они тебе? Ты и в той жизни мог с ними жить нормально только на расстоянии, а теперь без них не можешь? Что они дали тебе?

Он снова он вспоминал:

Когда-то была жена, с которой давно расстались, детей она ему не родила и вообще... Так бывает. Сначала месяцы эйфории, потом годы терпения. Каждый в своей комнате смотрит телевизор. На праздник он дарит ей сковородку, она в отместку пылесос. И вот уже эти двое медленно начинают отплывать куда-то в бессмысленную старость. А хотелось любимого, родного человечка и всегда рядом. Маленького жи-

вого комочка тепла – тогда все просто, легко, и ничего не страшно, горы можно свернуть! Наверное, слишком многого хотел – не получилось. Слава Богу – вовремя спохватились.

– А что было после твоей учебы?

Молодость прошла в одной из стран Восточной Европы. Там вырос, окончил университет, получил степень. Казалось, дальше ждало блестящее будущее. Пытался работать по специальности, но наступил период, когда ученые и инженеры стали не нужны. Теперь все стояли у прилавка. Страна, где еще недавно люди, получая отличное образование, могли работать, делать любимое дело. Где была передовая наука, высокое искусство, были писатели и композиторы, которых читали и играли во всем мире. Все закончилось внезапно. Страна раскололась вдребезги. Основой стали деньги. Деньги – это хорошо, особенно если граждане совсем недавно зарабатывали почти все одинаково мало. Но страну отдали в один день и час на растерзание: – Бери сколько возьмешь! Что будет, если с высокой башни на площади начать разбрасывать деньги? Одни недоуменно пройдут мимо, впоследствии об этом пожалев, другие, расталкивая остальных, станут набивать карманы, начнется паника, хаос и победят сильнейшие – Элита! Но скоро окажется, что волшебные купюры расхватили – у кого-то их слишком много, а у кого-то совсем ничего. И не важно, кем ты был в прошлой жизни – сейчас ты никто. Деньги закончились, и люди стали их перераспределять. Одни усеяли кладбища, другие тюрьмы, тре-

тьи получили все. Третьи – элита, которая активно участвовала в этом процессе, занимаясь лишь сохранением своих капиталов. Теперь они и были хозяевами жизни. Правила изменились:

Преступность – поражающая мир, упадок и разруха. Закрывались заводы, библиотеки, театры. А подрастало новое поколение, для которых на дьявольской кухне успели приготовить новую стряпню – детективы в книгах, кинофильмах, в прессе, новые пророки и кумиры и, конечно же, дешевое спиртное рекой на прилавках магазинов. Новости дня – сводки боевых действий и хроника преступлений. В мире не осталось любви и красоты? Людей нового сообщества старательно приучали к новой жизни. Это была государственная политика. Политика на экспорт, которую раньше наши заморские друзья уже опробовали во многих отсталых странах мира. Кнопка была захвачена и те, кто нажимал на нее, знали, что делали! На новых законах и воспитали целое поколение, а в перерывах этого шоу мелькала реклама, в которой изредка снимались великие мастера недавнего прошлого, а теперь нищие служители нового театра абсурда! Кто это сделал, кому это было нужно – он не понимал. И не только он.

До последнего продолжал работать на кафедре университета, где пока еще остатки Старой Гвардии пытались заниматься никому не нужной наукой. Да и они уже были никому не нужны. Тогда он решил уехать...

– Тебе этого не хватает? Тебя заставили покинуть страну,

где ты родился и вырос. Но там ты был своим, а здесь чужим! Чужим! Ты об этом жалеешь? Здесь тебя ценили, но использовали, как дешевую рабочую силу! Чего же ты хочешь от них, чего тебе не хватает? У тебя за этим окном не было никого!

Но от этих мыслей легче не становилось. С этим нужно было как-то справляться и делать это немедленно, прямо сейчас. Вакуум, поселившийся в душе, превращался в огромный шар, который пустотой заполнял пространство вокруг, притягивал, манил, а он находился в самом его центре... Навязчивая идея, черная дыра! Кто-то сказал – чтобы не быть маньяком желания, нужно его удовлетворить. Как?!

– Найди себе дело, займись чем угодно и не думай ни о чем!

– Легко сказать!

И все-таки пора было что-то изменить. И тут ему в голову пришла новая мысль:

– Ты хочешь людей? Хочешь к ним? Будут тебе люди! Будет много людей!

Так он придумал себе новую забаву.

16

Теперь он снова занимался привычным делом, сидя у компьютера.

– Почему бы не устроить кинофестиваль? Грандиозное

шоу! Времени у него хватало. И это время было ненавистно ему. А материал – хранилище кинофильмов всех времен и народов находился в базе данных. Мировой фестиваль фильмов, лучших за столетие! В голове завертелось, проснулся азарт. И не важно, куда он заведет, главное вперед!

Он долго готовился, писал программу, которая утром поднимала его с постели анонсом на сегодняшний день. Все телевизоры громко вещали единую информацию. В любом уголке можно было следить за событиями сегодняшнего дня. Фильмы знали свой черед, в хронологической последовательности появляясь с экрана. А главное – те люди за окном больше его не беспокоили, не преследовали, они оставили его в покое, лишь смотрели с экранов телевизоров и жили своей жизнью. Теперь он мог спокойно засыпать, смотреть в окно, любоваться рассветом, горами, облаками. Как он хотел остаться наедине с собой! Наконец ему это удалось!

Он решил просмотреть все работы, получившие призы Фильма года мировых фестивалей за последние полвека. Получилось около ста картин. В день три просмотра – целых два месяца он будет занят делом! Два месяца он сможет не думать ни о чем и у него будет масса дел! Он изберет три лучшие картины и присудит им призовые места. Компьютер управлял расписанием действия, и ему оставалось лишь следовать программе, не отвлекаясь ни на что.

– «Доброе утро! Сегодня... день нашего кинофестиваля. В программе две американские ленты и одна англий-

ская киноверсия. Пока вы просыпаетесь и принимаете душ – небольшой анонс... потом показ первой картины. На экране ленты 77–78 годов... В полдень вторая и вечером третья... Желаем провести незабываемый день. Во время завтрака и обеда вас ожидает променад по набережной Круазет и в салонах Нового Света. А если показ застанет вас на пляже, не расстраивайтесь – наши огромные экраны не дадут пропустить мгновения замечательных кинолент... Приятного дня и справедливого судейства».

Он решил выбрать три лучших кинофильма. Он и судил, и спорил, и голосовал. Два месяца новой жизни – он и зритель и жюри в одном лице. Все это время старался не изменять привычкам – забегал в спортзал, успевал слушать музыку, даже читать, но главное – ленты великих мастеров, которые когда-то время поставило на первые места. На всех этажах работали телевизоры и, не отрываясь от своих дел, он смотрел репортажи знаменитостей, которые поднимались по ковровым дорожкам, дефилируя на публике. Променад великих звезд не прекращался, пока он находился на беговой дорожке или в бассейне. Во всех уголках убежища громко звучала музыка, шли великие мира кино с интервью и приглашениями на лучший фильм! Здание грохотало, вибрировало, оно было слишком велико для него одного, но теперь все его свободные уголки были заполнены голосами, музыкой, шумом, срывающимся с мощных динамиков. И этот рокот не давил на уши и мозги, придавая осмысленность его жизни.

Сами картины он смотрел от начала до конца не в сауне, а перед экраном в своем салоне или наверху, не отходя и не отвлекаясь, но оставшееся время жил, как на кинофестивале, в атмосфере шоу.

Шло время – калейдоскоп вращался, не прерываясь с утра до вечера, с понедельника по пятницу, неделя за неделей. Шестидесятые – время надежд и любви. Семидесятые – потерянное поколение. Их сменяли восьмидесятые – и снова любовь и страдания. Девяностые – войны, любовь и жизнь. Перевалило столетие, стали жестче проблемы – войны, катастрофы и снова любовь. Каждый день для него был откровением. Не раз, просматривая кинофильм, он испытывал удивительное чувство очищения, словно смывал с себя боль или вину за кого-то или грехи! А темы менялись, уходя от людей к политикам, к их войнам, к насилию и разрушению. Так продолжалось два месяца. Конечно, сроки сместились – попадались длинные киноленты, и «Крестного отца» он смотрел несколько дней. А после некоторых фильмов ему нужен был перерыв, пауза. Те настолько потрясали, что после них можно было лишь босыми ногами ходить по мокрой от росы траве, любоваться закатом, но не смотреть следующий фильм. Травы здесь не было, но компьютеру этого не объяснишь, поэтому, наверное, впервые он не смог написать программу, которая учитывала бы все. А бесконечная кинолента продолжала вращаться...

Но, случилось непредвиденное. Однажды, просматривая

какой-то фильм, он словно оцепенел, и голова начала кружиться, как будто снова оказался в том подвале. Стало мучительно больно. В первый раз за эти два месяца он нажал на кнопку пульта, и тишина ударила по ушам. Задумался – может быть, это фильм такой? Но включает программу снова и с ужасом понимает, что это та дорога, которая привела всех к концу. Оставалось всего несколько картин, а потом подвал, темный и сырой! Сотни метров над головой, он будет один в бункере, где только голос мертвенным эхом отражается от стен и кошмар на глубине бетонного склепа!

Он беспомощно огляделся. Он не знал, что делать! Вдруг заметил чью-то тень. Нет, показалось – мираж, видение, здесь никого нет и быть не может. Но, что это? Человек! Их уже двое! Один одет во все черное, другой в белое. Две призрачные тени возникли ниоткуда и устроились в креслах неподалеку. Снова эти люди-тени! Два месяца они не тревожили его, и он мог спокойно жить.

– Проклятие! Они будут преследовать его вечно... Нужно включить кино! Нажать на кнопку и сделать громкость на полную мощность, разорвать барабанные перепонки вместе с мозгами!

Он схватил пульт, и изо всех динамиков ворвались звуки, заполнившие пространство вокруг. Планета рушилась, горели города, взрывались ракеты, унося на призрачную высоту жизни людей и осколки цивилизации, все то, что жило, ползало, произрастало миллиарды лет, и только мертвые горо-

да черными остовами, скелетами домов щерились на ярком солнце, покрываясь радиоактивной пылью. Все было обречено, все было кончено...

Эти двое оставались на месте. Черный человек сидел, размеренно покачиваясь в кресле, с удовольствием следя за происходящим, его компаньон презрительно взирал на экран, иногда поворачивая голову к нашему затворнику. Эти два призрака были словно настоящими, живыми. Иногда казалось, что он различает цвет их глаз, чувствует их, понимает. В голове помутилось. Он с ужасом смотрел на них, наконец, невероятным усилием воли заставил себя перевести взгляд на экран. Стало легче.

– Он снова сходит с ума! Два месяца он жил спокойно. Все это время с упоением отдавался новому занятию, но теперь...

Снова уставился в телевизор. Там были люди, они мчались, спасая жизни. Больше он не сострадал им. Он ненавидел этих людей, которые уничтожали свою жизнь и его тоже. А они все продолжали играть свои роли.

17

И вдруг по экрану поползли черные линии, словно пленка оборвалась, и на мгновение возникла темнота. Пленка!? Все записано в цифровом формате! Но вот изображение появилось вновь. Теперь он видел каких-то людей, которые сиде-

ли в креслах, расставленных в просторной гостиной. Горели свечи, повсюду была дорогая обстановка, на стенах картины. Он удивился. Это был другой фильм. Хотел было остановить программу, но что-то заставило его смотреть дальше. Люди о чем-то говорили, спорили, смеялись. Он прислушался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.